

торый, по-видимому, в глубине души полагает, что брак этот косвенно приблизит его к любезному ему шиллеровско-германскому миру.

Михаил Михайлович будет заботливым мужем и хорошим – многодетным – отцом. Но он останется и преданным другом. Он ни минуты не сомневается в высоких достоинствах младшего брата и не упускает случая, чтобы уверить московских родственников (которые далеко не разделяют его оптимизма) в его блистательном будущем. Он без колебаний одобряет любые, в том числе довольно рискованные шаги новоиспеченного военного инженера: его неожиданную отставку, отказ от родительского наследства (за скромную, но зато выплачиваемую незамедлительно сумму) и, главное, его решительный переход на гадательную литературную стезю. Брат Миша ручается головой за честность и порядочность брата. Он до небес превозносит еще не читанный им (да, впрочем, и не написанный) «роман» – то бишь будущие «Бедные люди». И, сверх того, соблазняет *москвичей* вестью, что пьесы брата «нынешней зимой» явятся на петербургской сцене. (Они не явятся там ни зимой, ни летом, хотя сулящий не ошибется: инсценировок в XX веке – причем повсюду – будет неисчислимо). «Это человек с сильным, самостоятельным талантом...» – вот самая ранняя из всех существующих аттестаций автора «Карамазовых». И, надо признать, не самая худшая.

В их тандеме младший окончательно становится ведущим. Именно по его настоятельному призыву Михаил Михайлович оставляет ревельскую службу и переезжает в Петербург – дабы по примеру младшего брата отдаться литературе. И именно потому, что они «в связке», Михаил Михайлович не может миновать сходбищ у Петрашевского.

Его посещения «пятниц» (равно, как и кружка Дурова) довольно редки – правда, не настолько, чтобы не быть отмеченными бдительным взором Антонелли. Заботами агента Михаил Михайлович попадает в общий список: правда, без инициалов – как Достоевский-второй. Но по иронии судьбы в ночь на 23 апреля 1849 г. вместе с Достоевским-первым берут не его, а ни сном ни духом не ведающего ни о каком Петрашевском брата Андрея. И только 5 мая власть исправляет прискорбную полицейскую оплошность. Истинного виновника, проведенного эти две недели в судорожном ожидании развязки, водворяют наконец в каземат Петропавловской крепости.

Кратко изъяснив на первом допросе, что у Петрашевского «собирались только для веселья» (которое кончится, однако – о чем никто еще не догадывается, – двадцати одним смертным приговором), арестант позднее даст более пространные показания. Он довольно безыскусно выстраивает собственную защиту – может быть, потому, что против него действительно не имеется серьезных улик. Облегчению его участи немало споспешествуют старания младшего брата, который изо всех сил выгораживает старшего, беря всю вину на себя. При этом он устрашает Следственную комиссию призраком голодной смерти всех четырех оставленных без отцовского попечения братниных детей.

Впоследствии Достоевский со знанием дела заявит, что брат его «не дал *никаких показаний*, которые бы могли компрометировать других» (хотя, добавляет, «*знал о многом*»). Найденное сравнительно недавно подлинное следственное дело М.М. Достоевского полностью подтверждает эти слова.

Убедившись, что подследственный – лицо в противоправительственных деяниях мало замешанное, комиссия ходатайствует перед государем об его освобождении. Государь, к счастью, не возражает. Таким образом, Михаилу Михайловичу довелось пробыть в одиночном заключении около двух месяцев.¹¹

В качестве компенсации за не вполне заслуженную отсидку многосемейный Достоевский-второй получает всемилоостивейшее пособие в раз-

11. См. подробнее: Волгин И. Пропавший заговор.